

Дом актёра. — 1995. — № 8-9. — С. 22-23

ИЧНА ВИШНЕВСКАЯ:

Я училась в ГИТИСе с сорок второго по сорок седьмой, в страшные годы войны, борьбы с космополитизмом, партийной дисциплины. Но самым непостижимым для меня сейчас кажется то, что мы, тогдашние студенты, были внутренне свободны, радостны. Время запретительное, уничтожающее мысль, а нам было весело, мы начинали учиться. Как я сейчас понимаю - это было естественным ощущением молодости, ощущением того, что мы пришли в науку, - именно в этом мы нашли островок счастья, радости бытия, стабильности. У каждого из нас возникали любимые темы, мы были удивительно свободны в своем выборе научных интересов, в своих мнениях и оценках.

Наши профессора были как бы людьми ренессанса, изумительными лекторами, учеными. Роскошные семинары по театральной критике воспринимались нами как пиршество разума. Мы возрождались в ожидании победы. Каждый подтягивался к этой высоте, к этой победе. Мы не имели права быть не талантливыми. Наша эпоха сейчас представляется сплошь темной, а нам она казалась светлой.

Лютыми морозными военными ночами мы стояли в очередях за входным билетом на замечательные спектакли - "Мадам Бовари" в Камерном театре, "Три сестры" во МХАТе. Эти очереди были, если можно так сказать, талантливыми, интеллектуальными. Нам писали на руках номер химическим карандашом, мы словно стояли за хлебом искусства...

С этим ощущением свободы, творческой радости, счастливой возможности делать то, что мне нравится, я начала писать свою дипломную работу о Белинском, о критике, который выбрал театр главным среди всех великих видов искусства, лучшую свою статью написал об актере Мочалове.

Диплом защитила с отличием,

все получалось как нельзя лучше, передо мной открывалась прекрасная и ясная дорога. Я собиралась заниматься русским театром, моим любимцем навсегда стал Островский - его творчество и должно было стать темой моих будущих занятий. Меня хвалили, видели во мне перспективного молодого ученого, рекомендовали идти в аспирантуру. Как вдруг вызывают в Комитет по делам искусств и неожиданно сообщают, что не русским невместно заниматься русским театром, евреи должны знать

НАДО
"ДЕРЖАТЬ
УДАР",

свое место. Отечественный театр должны изучать только русские, а еврейке следует ехать в Ташкент и преподавать в Среднеазиатском театральном институте зарубежный театр, которым я никогда всерьез не интересовалась.

Так ничего толком не поняв, я с разбегу уткнулась в стенку национальных оскорблений и пока еще смутно выплывавшего "внутреннего" фашизма, который был к тому времени побежден во всем мире. Я приехала в Ташкент и начала читать лекции.

Это отдельная тема - как рождается педагогика. Я впервые вошла в аудиторию, где сидели студенты, не слишком отличающиеся от меня по возрасту, вошла молодой девушкой с косичками и рассказала все, что знала, за пятнадцать минут, честно признавшись, что не ведаю, о чем дальше повествовать.

Ташкентский опыт, разумеется, пришелся к счастью - я научилась, как распределять материал и как держать внимание слушателей.

В Ташкенте я сдала кандидатский минимум, доказала, что хочу быть ученым, что должна вернуться в аспирантуру. В 1948 году я возвратилась в ГИТИС, уже потеряв кусочек от той радости и легкости, с которой начинала студенческую жизнь. Беда пришла неожиданно: ранней весной 1949 года, отдыхая в Болшеве, в Доме кинематографистов, я подошла к газетному стенду и увидела газету "Правда", в которой была напечатана статья под названием "Об одной антипатриотической группе театральных критиков". Трудно передать ощущение молодой аспирантки, не имеющей пока ни напечатанных трудов, ни авторитета, которая вдруг читает, что все учителя, которых я боготворила, были японскими и американскими шпионами, беспачпортными бродягами, космополитами, врагами народа и русской культуры, рабами капитализма - Бояджиев, Алперс, Юзовский, Малюгин, Альтман, Гурвич. Через несколько дней вслед этой вышла другая статья в одной из центральных газет, уже развивавшая тему. Вариации были таковы: оказалось, что все театральные критики-педагоги воспитывали студенческую молодежь в антипатриотическом, космополитическом духе. Среди таких "подголосков Бояджиева", который вел у нас семинар, была названа и я. Помню свое ощущение: как будто все время пребывала в страшной сказке, в жутком сне. Невозможно было понять, что они пишут, о ком они это, кому и зачем я продала Россию, я, так глубоко любившая Островского, обожавшая русский театр? И как мог продать Россию Георгий Нерсесович Бояджиев, который с такой страстью писал о